

УДК 81'

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2026-16-2-18-28>

Особенности прагматики способов выражения сочувствия и равнодушия в социальных сетях

Пань Цзэсинь¹ ✉

¹ Вятский государственный университет
ул. Московская, д. 36, г. Киров 610000, Российская Федерация

✉ e-mail: stud207996@vyatsu.ru

Резюме

Цель исследования – выявление и систематизация способов (языковых средств и прагматических стратегий) выражения сочувствия и равнодушия в комментариях пользователей к новостям о чрезвычайных происшествиях и трагических событиях в социальной сфере «Детство / Семья» интернет-сети «ВКонтакте».

Методы. Исследование выполнено с помощью дискурсивно-прагматического подхода к анализу сетевых комментариев к новостным постам, собранных методом сплошной выборки по 17 информационным поводам в сети «ВКонтакте». В работе применялись контекстуальный и прагматический анализ, классификация речевых актов, а также количественный анализ частотности различных средств выражения эмоций.

Результаты. Сочувствие в интернет-коммуникации реализуется через комплекс прямых и косвенных стратегий, направленных на поддержание эмоциональной связи. К прямым относятся вербализованные средства прямого выражения сочувствия / жалости; эмотивные высказывания, содержащие междометия и экспрессивы, а также эмодзи и стикеры; языковые средства выражения поддержки, приободрения. К косвенным способам реализации прагматической интенции авторов относятся религиозные формулы, средства выражения «агрессивной эмпатии» (инвективы в адрес виновных в случившемся) и личные нарративы. Доминирующим по частотности фиксации способом передачи сочувствия в сетевых комментариях являются ритуализированные пожелания, что свидетельствует о формализации эмпатии в цифровой среде. Установлено, что равнодушие реализуется не как пассивное отсутствие реакции, а как элементы активных прагматических стратегий: циничный юмор, скепсис, обвинение жертвы и вербальная агрессия, коррелирующие с анонимностью и квазиблизким характером отношений пользователей.

Заключение. Представленные результаты имеют теоретическую и практическую ценность для развития дискурсивно-прагматического подхода к изучению интернет-коммуникации. Перспективы дальнейших исследований связаны с кросс-культурным анализом выражения эмоций в социальных сетях и изучением влияния платформенных особенностей на прагматику эмоциональных реакций. Равнодушие, традиционно оцениваемое в русской лингвокультуре как антиценность, проявляется в намеренных коммуникативных тактиках, усиленных структурными особенностями цифровой среды.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; прагматика; социальные сети; сочувствие; равнодушие; речевые стратегии.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Пань Цзэсинь. Особенности прагматики способов выражения сочувствия и равнодушия в социальных сетях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2026. Т. 16, № 2. С. 18-28. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2026-16-2-18-28>.

Статья поступила в редакцию 16.03.2026 Статья подписана в печать 30.04.2026

Статья опубликована 29.06.2026

© Пань Цзэсинь, 2026

The specifics of the pragmatics of ways to express empathy and indifference in social networks

Pan Zexin¹✉

¹ Vyatka State University
36 Moskovskaya St., Kirov 610000, Russian Federation

✉ e-mail: stud207996@vyatsu.ru

Abstract

The purpose of the study is to identify and systematize ways (linguistic means and pragmatic strategies) of expressing sympathy and indifference in users' comments on news about emergencies and tragic events in the social sphere "Childhood / Family" of the VKontakte Internet network.

Methods. The study was carried out using a discursive and pragmatic approach to the analysis of online comments on news posts, collected using a continuous sampling method for 17 information topics on the VKontakte network. The work used contextual and pragmatic analysis, classification of speech acts, as well as quantitative analysis of the frequency of various means of expressing emotions.

Results. Empathy in online communication is realized through a set of direct and indirect strategies aimed at maintaining an emotional connection. Direct ones include verbalized means of direct expression of sympathy / pity; emotive statements containing interjections and expressions, as well as emojis and stickers; linguistic means of expressing support and encouragement. Indirect ways of implementing the authors' pragmatic intention include religious formulas, means of expressing "aggressive empathy" (invectives against those responsible for what happened) and personal narratives. Ritualized wishes are the dominant way of conveying empathy in online comments in terms of frequency of fixation, which indicates the formalization of empathy in the digital environment. It has been established that indifference is realized not as a passive lack of reaction, but as elements of active pragmatic strategies: cynical humor, skepticism, victim blaming and verbal aggression, correlating with anonymity and the quasi-intimate nature of user relationships.

Conclusion. The presented results have theoretical and practical value for the development of a discursive and pragmatic approach to the study of Internet communication. The prospects for further research are related to a cross-cultural analysis of the expression of emotions in social networks and the study of the influence of platform features on the pragmatics of emotional reactions.

Keywords: Internet communication; pragmatics; social networks; sympathy; indifference; speech strategies.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pan Zexin. The specifics of the pragmatics of ways to express empathy and indifference in social networks. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2026; 16(2): 18–28 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2026-16-2-18-28>.

Received 16.03.2026

Accepted 30.04.2026

Published 29.06.2026

Введение

Актуальность исследования определяется возрастающей ролью социальных сетей как основного пространства современной межличностной виртуальной коммуникации. Традиционные способы языкового выражения эмоциональных реакций в случае с интернет-сообщениями о происходящем претерпевают значительные изменения. Социальные сети стали «ведущим измерением реальности» для молодого поколения [1, с. 41], карди-

нально меняя психологический аспект общения. Как известно, в условиях виртуальной среды нередко фиксируется замена вербальных способов реагирования «компенсаторными средствами передачи паралингвистических компонентов (эмодзи, смайлами, стикерами)» [2, с. 32], так как «важна скорость общения, а не его форма» [3, с. 32].

Возникает необходимость прагматического лингвистического изучения способов выражения фундаментальных эмоциональ-

ных реакций в сетевом дискурсе, в том числе сочувствия (или, напротив, равнодушия) по отношению к пострадавшим или попавшим в трудную жизненную ситуацию людям, и особенно несовершеннолетним детям. *Проблема исследования* заключается в противоречии между естественной потребностью человека в эмоциональном участии (эмпатии) и системными ограничениями цифровой коммуникации, где технические особенности платформ создают существенные трудности для передачи и распознавания истинных эмоций [4]. Это противоречие усугубляется отмечаемой учеными тенденцией формирования «квазиблизких отношений» между «участниками интеракций» в сетях [2, с. 33]: в таких отношениях изначально не предполагается глубокая эмоциональная вовлеченность, что создает благоприятную почву для различных форм проявления равнодушия. Как отмечают Л.Г. Дмитриева и Д.В. Хамзина, активность пользователей в социальных сетях коррелирует с формализацией эмпатии и ростом черствости в межличностном общении [5], что делает особенно актуальным детальный анализ прагматических интенций, стоящих за вербальными и невербальными реакциями в сетевых комментариях к инфоповоду. Кроме того, современные исследователи справедливо подчеркивают необходимость анализа прагматической составляющей эмпатического процесса коммуникации, в которой наблюдается «трансляция коммуникативной солидарности с горящим» в «ситуации сопереживания» [6, с. 4], особенно с учетом роли новых языковых форм, возникающих в интернет-пространстве. Так, М.А. Кронгауз называет общение в интернете «неким новым типом. Это коммуникация письменная по форме и устная по сути» [7].

Концептуальную основу работы составляет трактовка сочувствия и равнодушия как контрарных коммуникативных категорий. Как отмечает Н.В. Баско, в

русской языковой картине мира равнодушие традиционно несет негативную коннотацию, воспринимаясь как «паралич души» [8, с. 328], что делает его не просто пассивным состоянием, а антиценностью. Специфика языковой концептуализации равнодушия в современном молодежном сетевом дискурсе заключается, с нашей точки зрения, в том, что ее способы являются «мощным прагматическим инструментом, позволяющим говорящему не только выразить отстраненность, но и продемонстрировать агрессию, пренебрежение или позиционировать себя внутри определенной социальной группы» [9, с. 200].

Целью исследования является выявление и систематизация языковых средств и прагматических стратегий выражения сочувствия и равнодушия в комментариях пользователей к новостям о чрезвычайных происшествиях и трагических событиях интернет-сети «ВКонтакте».

Для достижения этой цели решались следующие задачи: анализ лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций в цифровой среде, а также классификация способов выражения сочувствия или равнодушия в комментариях к постам

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил дискурсивно-прагматический подход к анализу комментариев к новостным постам в социальной сети «ВКонтакте». Проанализировано 510 комментариев, собранных методом сплошной выборки диалогических реплик к постам по 17-ти информационным поводам, в которых отражаются трагические события с пострадавшими-детьми, в социальной сфере «Дети / Семья». Анализируемые факты в постах объединяет трудная ситуация, вызвавшая негативные последствия в жизни, здоровье и в целом в судьбе детей. В рамках прагмалингвистического анализа в работе использована

лись контекстуальный анализ, классификация речевых актов комментирования, смысловой анализ эмодзи и стикеров, количественный анализ частотности различных средств выражения эмоций. Теоретической базой анализа послужили основные положения о природе интернет-комментария как реактивного жанра [10; 11] и его видах – аналитическом, эмоциональном и смешанном [12]; о языке сетевой коммуникации [3; 7; 13–15 и др.], а также результаты выявления языковых средств и форм проявления равнодушия – в работах Н.В. Баско [8], М.С. Миловановой [16] и С.Г. Воркачева [17].

Результаты и обсуждение

Статистический анализ материала позволяет говорить о доминирующих прагматически обусловленных способах передачи откликов-реакций пользователей на сообщаемый в посте реальный факт, поражающий своей безжалостностью и нередко – бесчеловечностью по отношению к судьбе несовершеннолетних детей, попавших в беду.

Распределение установленных нами способов выражения сочувствия и их количество представлено в следующей таблице 1.

Таблица 1. Частотность различных способов выражения сочувствия в комментариях

Table 1. Frequency of different ways of expressing sympathy in comments

Способы выражения авторской интенции	Количество фактов	Доля от общего числа комментариев, %
Пожелание (выздоровления, сил, победы справедливости)	204	40,0
Прямое выражение сочувствия / жалости (вербализация)	112	22,0
Обращение к Богу (религиозные формулы)	58	11,4
Эмотивные высказывания (эмодзи, междометия, экспрессивы)	45	8,8
Выражение поддержки / приободрение	36	7,1
Инвективы / агрессивные высказывания в адрес виновных	22	4,3
Комментарии с элементами сочувствия, но с оговорками / обвинением жертвы	15	2,9
Личные нарративы (рассказы о собственном опыте)	11	2,2
Риторические вопросы / призывы к наказанию виновных	7	1,4
Всего	510	100,0

Как видно из таблицы 1, доминирующим способом передачи реакции на трагические события являются пожелания (40%), что свидетельствует о высокой степени ритуализированности выражения сочувствия. Данный факт согласуется с наблюдениями В.И. Карасика, который характеризует пожелание как «эмоционально-волевое коммуникативное событие, содержанием которого яв-

ляется высказанное желание об осуществлении чего-либо приятного либо неприятного в чьей-либо жизни» [18, с. 230]. В нашем материале пожелания чаще «вписываются» в контекст выражаемого субъектами обсуждения трагических событий сочувствия, например: *дай Бог вам сил и здоровья, терпения!; пусть правосудие восторжествует* и др. На втором месте – прямая вербализация со-

чувствия (22%), часто сопровождающаяся эмотивами (*Никаких слов не хватит, чтобы передать родственникам пострадавших наши скорбь и сочувствие* и т.д.). Обращения к Богу (11,4%) и эмоциональные высказывания (8,8%) также составляют значительную долю, выполняя «компенсаторную функцию» в условиях дефицита невербальных средств [3, с. 32]. Личные нарративы, хотя и немногочисленны (2,2%), представляют особый интерес как наиболее глубокая форма эмоционального вовлечения, трансформирующая новость в пространство коллективного опыта.

Проявления равнодушия и вербальной агрессии (инвективы, комментарии с оговорками) суммарно составляют около 8,6% от общего числа комментариев. Это относительно небольшая, но значимая доля, которая, согласно исследованиям, может возрасти в зависимости от характера информационного повода и степени анонимности коммуникации.

Рассмотрим подробнее выделенные группы на конкретных примерах, опираясь на классификацию прямых и косвенных речевых актов. В прагмалингвистике принято различать прямые и косвенные способы реализации речевых актов. Данная дихотомия является универсальной для описания коммуникативного поведения: прямые стратегии реализуют интенцию говорящего открыто и недвусмысленно, тогда как косвенные требуют дополнительных усилий интерпретации со стороны адресата и часто реализуются через иные, внешне не связанные с основной интенцией речевые действия. Данное разграничение релевантно не только для анализа конфликтного общения, но и для описания эмоциональных реакций, в частности выражения сочувствия.

Проведенный анализ комментариев в нашем материале позволяет выделить как прямые, так и косвенные способы выражения сочувствия в социальных сетях. Прямые способы характеризуются от-

крытой вербализацией эмоционального состояния комментирующего субъекта по отношению к адресату или объекту сочувствия. К ним относятся прежде всего вербализованные средства прямого выражения сочувствия / жалости: эмпатия эксплицируется в лексемах с семантикой жалости и сопереживания, например: «*Бедный мальчик □*», «*Очень жаль родителей*» (из комментариев к истории о гибели ребенка). К нередким в репликах прямым способам можно отнести и часть эмоциональных высказываний, содержащих междометия и экспрессивы, непосредственно передающие эмоциональную реакцию говорящего (*До слез; Ужас; Как можно это же беззащитные дети; в уме не укладывается. А то, что сотрудники школы так поступили – так это вообще ужас*). Как отмечает О.И. Колесникова, медиальность, интерпретируя тот или иной фрагмент картины мира, категоризует его, исходя из своей личностной системы ценностей, и для достижения цели выбирает соответствующие номинации и способы репрезентации [19, с. 252]. Это объясняет, почему в схожих ситуациях один пользователь выбирает прямую вербализацию, а другой – косвенную, ритуализированную форму.

Косвенные способы выражения сочувствия более разнообразны и имеют имплицитный характер. Они не содержат прямой номинации чувств, но реализуют интенцию поддержки жертвам через иные коммуникативные действия. Анализ эмпирического материала позволяет отнести к косвенным способам следующие факты:

1. Ритуализированные формулы (пожелания) – наиболее частотная стратегия. Такие высказывания, как «*Настене – скорейшего выздоровления*» (Maria Ivanova) или «*Здоровья девочке и сил!*» (Alexandra Shapiro), прямо не вербализуют сочувствие, но выражают его через пожелание добра адресату, что является косвенным способом демонстрации эмоциональной включенности. В.И. Карасик

подчеркивает, что пожелания как речевой жанр часто являются «своеобразными коммуникативными подарками» и ориентированы на адресата [18, с. 230].

2. Обращение к Богу (религиозные формулы) – еще один способ косвенного выражения сочувствия. Комментарии типа «Царствие Небесное мальчишке», «Спаси и сохрани», «Помоги Господь перенести горе родителям □ □ □» имплицитно выражают сопереживание через обращение к высшим силам, что позволяет говорящему транслировать поддержку, не эксплицируя напрямую свои эмоции. Подобные формулы, как отмечают Н.А. Гаджиева и Я.Р. Ярова, являются стереотипными средствами выражения соболезнования и утешения, часто имеющими религиозную природу [20, с. 59].

3. Личные нарративы – наиболее сложный и глубинный косвенный способ выражения сочувствия. Рассказывая о собственном опыте, пользователь не просто констатирует свое понимание ситуации, но и выстраивает эмоциональную связь с адресатом, предлагая ему модель совладания с трудностями: «Малышка, здоровья тебе □ Тоже когда-то худела, сама довела себя до такого, мой вес был 30,3 кг при росте 167. ... Но мне повезло»¹. В данном случае сочувствие выражается не прямо, а через сопереживание, основанное на общности опыта. Это созвучно идее Е.Н. Шеховцевой о том, что в альтруистическом дискурсе личный опыт служит способом демонстрации ценностей, таких как сострадание и помощь [21].

4. Инвективы в адрес виновных, а также риторические вопросы о наказании – еще одна форма выражения косвенного сочувствия, характерная именно для интернет-коммуникации. В комментариях к новостям о трагических событиях пользователи часто не выражают сочувствие напрямую пострадавшим, но демонстрируют эмоциональную вовлеченность через

агрессию в адрес предполагаемых виновников или призывы к справедливости: «Тварь поганая!.. Несчастный ребенок...»; «Ну ты и мразь, мамаша...» (о материнаркоманке, из-за которой погиб ребенок). Такая «агрессивная эмпатия» выступает косвенным способом выражения солидарности с жертвой через осуждение обидчика. Агрессия в адрес виновных может служить своеобразным фоном для имплицитной демонстрации сопереживания жертве.

Таким образом, сочувствие в социальных сетях реализуется через широкий спектр как прямых, так и косвенных способов реализации коммуникативных стратегий. Если прямые способы ориентированы на немедленную вербализацию эмоционального отклика, то косвенные позволяют пользователям проявлять эмпатию, оставаясь в рамках ритуализированных формул, религиозных контекстов или обращаясь к личному и коллективному опыту. Многообразие косвенных способов (пожеланий, религиозных формул, личных нарративов, инвектив в адрес виновных в трагедии) свидетельствует о высокой степени коммуникативной гибкости пользователей и их стремлении находить социально приемлемые и контекстуально уместные способы выражения поддержки детей, оказавшихся в беде, в условиях цифровой среды.

Прагматика равнодушия в сетевом дискурсе проявляется реже, но в более разнообразных формах. Как отмечает Н.Ю. Буряк, «анонимность цифровой среды и чувство безнаказанности... значительно облегчают процессы межличностного общения, помогая пользователям быстрее раскрыться и преодолеть психологические барьеры» [3, с. 32]. Однако эта же анонимность способствует и откровенному проявлению равнодушия. Нами установлены следующие способы, маркированные отсутствием сочувствия к участникам трагедии:

– скептические высказывания (*Не он первый, не он последний* – о погибшем на

¹ URL: https://vk.com/wall-221927462_185612 (дата обращения: 27.02.2026).

крыше электрички от высокого напряжения тока одиннадцатилетнем руфере¹);

– отрицание проблемы (*это редкий случай, можно заносить в красную книгу* – о чудовищном обращении матери с собственным сыном, страдающим серьезным заболеванием²);

– выражение сомнения в реальности происходящего (*Тут мы свечку не держали и точно не знаем как все было. Так что это просто несчастный случай*³ – о гибели младенца, которого «выбросила» из окна 5-летняя сестра);

– философские суждения (...*происходят ужасные вещи, которые нам кажутся ужасными, но по факту это балласт жизни, который она держит...* – в комментарии к посту о том, как малыш стал объектом систематического подавления и жестокого обращения со стороны его матери и нового мужа⁴);

– циничные высказывания. Так, при обсуждении смерти ребенка, привязанного отцом к автомобилю для езды на тюбинге, доминируют не столько соболезнования, сколько критика родителей: *«Видимо запасные дети есть.... А если серьезно, очень жаль ребенка, у папашки мозгов совсем нет»*⁵. Претензия на юмор обнаруживается в следующем примере: *Эвакуатор эвакуировал человека из жизни и себя с места ДТП хм*⁶ – комментарий к новостному посту о том, как водитель эвакуатора не заметил подростка, шедшего по тротуару, и насмерть сбил

его, а затем скрылся с места происшествия;

– переключение на обсуждение действий не пострадавшего, а других участников ситуации. Например, в комментариях к новости о семейной драме с участием ребенка, которого «делят» родители в жестокой ссоре, люди переключаются на обсуждение их действий и поведения «правоохранителей», оставляя переживания ребенка на периферии: *«Идиоты! Родители», «Твари родители», «Два дебила... Не могут договориться»*⁷.

Подобные агрессивные высказывания, часто граничащие с языком вражды, который служит, по мнению исследователя речевой агрессии Ю.В. Щербининой, для выражения ненависти «ко всему "иному", непривычному» [цит. по: 14, с. 2], парадоксально представляют, на наш взгляд, мягкую форму равнодушия. Так, комментируя историю о материнском наркоманке, чей ребенок погиб от отравления запрещенными веществами, пользователи пишут: *«Тварь поганая!... Несчастный ребенок.. только на свет появился и уже настрадался»*; *«Стерилизовать надо таких»*⁸. В обсуждении жестокого избиения школьницы в школьном туалете комментаторы призывают к расправе: *«Я бы таких «Кис» сразу бы от общества изолировала на пожизненно»*⁹. Подобные высказывания, по классификации М.А. Кажаровой, могут быть отнесены к прямым стратегиям невежливости, направленным на дискредитацию объекта [13, с. 476].

Важно отметить, что равнодушие может выражаться и в использовании специфических лексических маркеров безразличия. Как подчеркивает Н.В. Баско, опираясь на данные различных словарей, в русской языковой картине мира

¹ URL: https://vk.com/wall-144411670_1927441 (дата обращения: 27.02.2026).

² URL: https://vk.com/wall-144411670_1724351 (дата обращения: 27.02.2026).

³ URL: https://vk.com/wall-147408524_302702 (дата обращения: 27.02.2026).

⁴ URL: https://vk.com/wall-144411670_1950256 (дата обращения: 27.02.2026).

⁵ URL: https://vk.com/feed?w=wall-32668519_869255_r0 (дата обращения: 27.02.2026).

⁶ URL: https://vk.com/wall-150709625_16010851 (дата обращения: 27.02.2026).

⁷ URL: https://vk.com/wall-144411670_1798677 (дата обращения: 27.02.2026).

⁸ URL: https://vk.com/wall-173166698_510705 (дата обращения: 27.02.2026).

⁹ URL: https://vk.com/wall53283383_43077 (дата обращения: 27.02.2026).

равнодушие традиционно несет негативную коннотацию и может выражаться через различные языковые единицы, включая просторечные и жаргонные [8]. В проанализированном материале они встречаются реже, нейтрально отражая состояние субъекта: например, *печалька, треш*. Противоположный случай представлен в «оптимистичных» комментариях с псевдосостраданием: *«сироте счастье воссоединиться с семьей... только позавидовать»*¹ (комментарий к новости о гибели под эвакуатором ребенка, жившего с бабушкой).

Как подтверждают полученные с помощью дискурсивно-прагматического анализа факты проявления равнодушия при обсуждении трагедий, в центре которых находятся незащищенные дети, «сам субъект и носитель такого состояния становится объектом оценки со стороны социума» [16, с. 175]. В русской лингвокультуре равнодушие традиционно оценивается негативно, как антиценность, что делает его особенно заметным на фоне ценностно окрашенного сочувствия.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Прагматическая интенция выразить сочувствие пострадавшим в трудной жизненной ситуации детям реализуется в сетевом дискурсе через комплекс как прямых, так и косвенных коммуникативных стратегий. Прямые способы выражения сочувствия ориентированы на вербализацию эмоций пользователей (жалость, сопереживание),

тогда как косвенные, включающие ритуализированные формулы, религиозные обращения, личные нарративы и «агрессивную эмпатию» (в частности, призывы к наказанию виновников трагедии), направлены на поддержание эмоциональной квазиблизости. Доминирующим способом передачи сочувствия в соцсети являются речевые формулы-пожелания разного рода, что может свидетельствовать о высокой степени формализации эмоциональных реакций в цифровой среде. Противоположное состоянию сочувствия равнодушие в дискурсе фиксируется реже, оно проявляется в формах скепсиса, циничного юмора при игнорировании ключевых аспектов тяжелой ситуации, а также вербальной агрессии, что связано с особенностями квазиблизких отношений и анонимностью цифровой среды. Теоретический анализ показывает, что данные проявления равнодушия коррелируют с его пониманием как сложного ментального образования, отражающего представление о коммуникативном поведении, которое реализуется через намеренные прагматические стратегии.

Представленные результаты имеют теоретическую и практическую ценность для развития дискурсивно-прагматического подхода к изучению интернет-коммуникации. Перспективы дальнейших исследований связаны с кросс-культурным анализом выражения эмоций в социальных сетях и изучением влияния платформенных особенностей на прагматику эмоциональных реакций.

Список литературы

1. Каминская Т.Л. Молодежь в цифровой медиасреде: виды и способы коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 52. С. 41-50. EDN UUDOBQ.
2. Социально-сетевая цифровая коммуникативная культура молодежи / науч. ред. А.П. Глухов [и др.]. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. 142 с. URL: https://vk.com/wall-150709625_16010851 (дата обращения: 27.02.2026). EDN SRLUWM.

3. Buryak N.Yu. The impact of Internet communications on the Russian language and culture of speech // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. No. 11-1(62). P. 31-33. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-1-31-33>. EDN DFOQCM.
4. Куликова А.В. Особенности интернет-коммуникаций // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2012. № 4(28). С. 19-24. EDN RWBQYJ.
5. Дмитриева Л.Г., Хамзина Д.В. Особенности проявления эмпатии у студентов – пользователей социальных сетей // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2020. № 1(834). С. 175-187. EDN VPAHSR.
6. Бен Шушан А.А. Эмпатийные речевые процедуры солидаризации в контексте эмоциогенного события // *Русский лингвистический бюллетень*. 2023. № 11(47). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.36>. EDN HBFFKH.
7. Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М.: АСТ, 2013. 416 с. EDN SBVWBV.
8. Баско Н.В. Лингвокультурный концепт «равнодушие» в русской языковой картине мира // *Преподаватель XXI век*. 2018. № 2-2. С. 321-332. EDN OVT HKD.
9. Пань Ц. К вопросу о концептуализации коммуникативной категории «равнодушие» (на примере молодежного сетевого дискурса) // *Семантика. Функционирование. Текст*. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2025. С. 196-201. EDN OQODKM.
10. Ким Л.Г., Рольгайзер А.А. Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3(43). С. 286-294. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>. EDN WZZOHY.
11. Месеняшина Л.А. О жанровой природе сетевого комментария // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2023. № 2(48). С. 127-132. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-48-2-127-132>. EDN UMZERC.
12. Колокольцева Т.Н. Интернет-комментарий как диалогический сетевой жанр // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2023. Т. 27, № 3. С. 81-96. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2023-3-81-96>. EDN WYTUER.
13. Кажарова М.А. Стратегии невежливости и грубости в социальных сетях // *Мир науки, культуры, образования*. 2024. № 4(107). С. 474-478. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-474-478>. EDN VEI WCF.
14. Каримова Т.С. Язык вражды в интернет-коммуникации // *Полицейская деятельность*. 2023. № 1. С. 1-17. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2023.1.39281>. EDN XOBH ZL.
15. Серебрякова А.Ю. Виды инвективной лексики в медийном дискурсе // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2021. Т. 18, № 4. С. 42-46. <https://doi.org/10.14529/ling210406>. EDN BWDDRA.
16. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // *Общая и русская лингвоаксиология*. Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2022. С. 148-194. EDN WUH DTS.
17. Воркачев С.Г. Лексикографическое представление лингвокультурного смысла «бесстрастие» // *Русистика без границ*. 2023. Т. 7, № 4. С. 20-31. EDN ETUQIW.
18. Карасик В.И. Лингвокультурные характеристики речевого жанра «пожелание» // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3(43). С. 225-232. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>. EDN CLRCIP.
19. Колесникова О.И. Язык как фиксатор ценностных приоритетов медиальности в дискурсе // *Современная лингвистика: от теории к практике: труды и материалы III Казанского международного лингвистического саммита, Казань, 14-19 ноября 2022 года / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой*. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. Т. 1. С. 251-255. EDN FCMLWV.

20. Гаджиева Н.А., Ярова Я.Р. Стереотипные средства выражения категории «Сочувствие» в социально-бытовом дискурсе (на материале лезгинского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-3(50). С. 57-60. EDN TXQKFB.

21. Шеховцева Е.Н. Ценности в русскоязычном альтруистическом дискурсе: анализ языковой экспликации с позиций перформативной прагмалингвистики // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11, № 3. С. 509-522. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2024.11\(3\)](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2024.11(3)). EDN ZWPPTL.

References

1. Kaminskaya T.L. Youth in the digital environment: kinds and methods of communication. *Mir lingvistiki i kommunikatsii = World of Linguistics and Communication*. 2018;(52):41-50. (In Russ.) EDN UUDOBQ.

2. Glukhov A.P., Bychkova M.N., Guzhova I.V., et al. Social network communication culture of youth. Tomsk: National Research Tomsk State University; 2020. 142 p. (In Russ.) EDN SRLUWM.

3. Buryak N.Yu. The impact of Internet communications on the Russian language and culture of speech. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(11-1):31-33. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-1-31-33>. EDN DFOQCM.

4. Kulikova A.V. Features of Internet communications. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2012;(4):19-24. (In Russ.) EDN RWBQYJ.

5. Dmitrieva L.G., Khamzina D.V. Features of empathy among students – users of social networks. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*. 2020;(1):175-187. (In Russ.) EDN VPAHSR.

6. Ben Shushan A.A. Empathic speech procedures of solidarization in the context of an emotiogenic event. *Russkiy lingvisticheskiy byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*. 2023;(11). (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.36>. EDN HBFFKH.

7. Krongauz M.A. The Self-Teacher of Olbanskian. Moscow: AST; 2013. 416 p. (In Russ.) EDN SBVWBV.

8. Basko N.V. The linguocultural concept “indifference” in the Russian linguistic picture of the world. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the XXI Century*. 2018;(2-2):321-332. (In Russ.) EDN OVTHKD.

9. Pan Ts. On the conceptualization of the communicative category of “indifference” (based on youth online discourse). In: *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst = Semantics. Functioning. Text*. Kirov: Izdatel'stvo «Raduga-PRESS»; 2025. P. 196-201. (In Russ.) EDN OQODKM.

10. Kim L.G., Rolgaizer A.A. Comment vs internet comment: on the issue of the specific genre characteristics of virtual communication. *Zhanry rechi = Speech Genres*. 2024;19(3):286-294. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>. EDN WZZOHY.

11. Mesenyashina L.A. About the genre nature of the network comment. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*. 2023;(2):127-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-48-2-127-132>. EDN UMZERC.

12. Kolokoltseva T.N. Online comments as a dialogic network genre. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*. 2023;27(3):81-96. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2023-3-81-96>. EDN WYTUER.

13. Kazharova M.A. Strategies of impoliteness and rudeness in social networks. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *World of Science, Culture, Education*. 2024;(4):474-478. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-474-478>. EDN VEIWCF.
14. Karimova T.S. Hate speech in internet communication. *Politseyskaya deyatel'nost'* = *Police Activity*. 2023;(1):1-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2023.1.39281>. EDN XOBHXL.
15. Serebryakova A.Yu. Types of invective vocabulary in media discourse. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. = *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2021;18(4):42-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/ling210406>. EDN BWDDRA.
16. Milovanova M.S. Aksiologicheskie aspekty semantiki sostoyaniya. In: *Obshchaya i russkaya lingvoksologiya* = *General and Russian linguistics*. Yaroslavl: Izdatel'stvo «Kantsler»; 2022. P. 148-194. (In Russ.) EDN WUHDTL.
17. Vorkachev S.G. Lexicographic representation of the linguocultural meaning “dispassion”. *Rusistika bez granic* = *Russian studies without borders*. 2023;7(4):20-31. (In Russ.) EDN ETUQIW.
18. Karasik V.I. Linguistic and cultural characteristics of the speech genre “wish”. *Zhany rechi* = *Speech Genres*. 2024;19(3):225-232. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>. EDN CLRCIP.
19. Kolesnikova O.I. Language as a fixator of the value priorities of media personality in discourse. In: *Sovremennaya lingvistika: ot teorii k praktike: Trudy i materialy III Kazanskogo mezhdunarodnogo lingvisticheskogo sammita* = *Modern Linguistics: From Theory to Practice : proceedings and materials of the III Kazan International Linguistic Summit*. Kazan: Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet; 2023. Vol. 1. P. 251-255. (In Russ.) EDN FCMLWV.
20. Gadzhieva N.A., Yarova Ya.R. Stereotype means of expressing the category “sympathy” in the social and everyday discourse (based on the material of the Lezghian and Russian languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = *Philology. Theory & Practice*. 2015;(8-3):57-60. (In Russ.) EDN TXQKFB.
21. Shekhovtseva E.N. Values in Russian altruistic discourse: analysis of linguistic explication from the standpoint of performative pragmalinguistics. *Kommunikativnye issledovaniya* = *Communication Studies*. 2024;11(3):509-522. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2024.11\(3\).509-522](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2024.11(3).509-522). EDN ZWPPTL.

Информация об авторе / Information about the Author

Пань Цзэсинь, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета, г. Киров, Российская Федерация, e-mail: stud207996@vyatsu.ru, ORCID: 0009-0009-0962-5342

Pan Zexin, Postgraduate student at the Department of Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, e-mail: stud207996@vyatsu.ru, ORCID: 0009-0009-0962-5342